

Князья Трубецкие: от предателя-декабриста до героя-белогвардейца

Князь-мыслитель «АиФ»: - Александр Александрович, одним из ваших предков был знаменитый декабрист Сергей Трубецкой, чья жена первой отправилась за мужем в сибирскую ссылку. Вы им гордитесь? Офицер Александр Трубецкой - Он принадлежал к другой ветви Трубецких, потомства от которой не осталось. В моей семье он традиционно воспринимался чёрным пятном, лёгшим на фамилию. Его считали предателем, трижды изменником. Во-первых, создав тайное общество, он изменил присяге, данной царю. Во-вторых, не выйдя на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года, он предал своих друзей и соратников. А в-третьих, назвав себя в мемуарах убеждённым монархистом, предал свои убеждения.

А.Т.: «АиФ»: - Ну а ваша фамильная ветвь чем запомнилась в истории? А.Т.: - Мой дед - известный мыслитель Евгений Николаевич Трубецкой. Он принадлежал к плеяде таких русских православных философов, как Флоренский, Соловьёв, Булгаков, Бердяев. Участвовал в Соборе 17-го года, на котором был избран патриарх Тихон. Женат он был на княгине Щербатовой. В Новороссийске, где дед умер от тифа, есть улица его имени. Старший брат моего деда Сергей Николаевич Трубецкой был первым избранным ректором Московского университета, но пробыл на этом посту недолго. С невероятным трудом удержав во время революции 1905 года в узде своих студентов, осознал, что в сфере образования требуются немедленные радикальные реформы. Отправился с докладом об этом к государю, а на другой день от переживаний скончался.

Князь-таксист «АиФ»: - Ваш отец пошёл по стопам старших родственников? А.Т.: - В 1914 г. он учился в университете, готовился стать юристом, но, когда началась Первая мировая, поступил на офицерские курсы. В 1915-м попал на фронт, участвовал в Брусиловском прорыве, подвергался со своими солдатами газовой атаке... А потом пришла революция, и прямо на глазах у отца одного из старейших офицеров его полка подняли на штыки. Его самого не убили только потому, что один из солдат сказал: «Его не трогать, он хорошо обращается с нашим братом!» Сорвали погоны и прогнали прочь... Обойдя все кордоны, отец вернулся в Москву. Там он участвовал в уличных боях, защищал главпочтамт. Затем пришлось спрятать оружие под пол семейного дома князей Щербатовых (дом находился на месте нынешнего посольства Америки). Тогда же он примкнул к тайным офицерским кругам и принимал участие в попытке спасти царскую семью. План был таков: несколько групп по 6-7 человек разными путями должны были добраться до Тобольска, там, переодевшись в моряков и солдат-революционеров, изобразить из себя замену охраны пленников, а затем вывести Николая и его домочадцев и с боями прорываться к Колчаку. Вот только до Тобольска они добрались, когда императора уже перевезли в Екатеринбург. А последовать туда заговорщики уже не сумели.

Вспоминая позднее ту экспедицию в Тобольск, Александр Евгеньевич говорил: «История доказала обречённость этой попытки. И всё-таки осталось сознание того, что мы на деле проявили готовность послужить своему государю и остались верными данной ему присяге». Декабрист Сергей Трубецкой Отец, пробившись на юг России, служил у Деникина и Врангеля. На его глазах погиб двоюродный брат Константин Сергеевич Трубецкой - будучи раненым, он отдал своего коня тяжело раненому солдату. А отец с передовой вернуться уже не смог. В эмиграции окончил юридический факультет Пражского университета, но, как и другие 418 выпускников-русских, работу по специальности нигде в Европе найти не смог. Во Франции, куда перебрался, устроился водителем трамвая, но вскоре был уволен. Он и ещё один бывший русский офицер умудрились столкнуть свои трамваи. Потом работал таксистом.

«АиФ»: - Отец не жалел о своём участии в Белом движении? А.Т.: - Не только не жалел, а почитал это своим долгом. Эмиграция всегда была полностью уверена в своей правоте. Яркая иллюстрация тому - слова Куприна: «С одной стороны - Родина. С другой - интернационал. У крестьян - армия, идущая под угрозой пулемётного расстрела во имя безумной утопии. У белых - добровольцы, отдающие жизнь и кровь во имя долга, чести, добра и совести...»

«АиФ»: - Как ваш папа познакомился с вашей мамой? Любовь с первого взгляда? А.Т.: - Мама Александра Михайловна, урождённая княжна Голицына, была внучкой легендарного генерал-губернатора Москвы Дмитрия Владимировича Голицына. После революции она из СССР не уехала, в Москве вышла замуж за бывшего царского офицера Георгия Михайловича Осоргина, у них сперва родилась дочь. А в 1929-м его арестовали и сослали на Соловки. Благодаря помощи жены Максима Горького Александра Михайловна навестила мужа в заключении. Там за несколько дней до расстрела Георгия Михайловича был зачат мой старший сводный брат, протоиерей Михаил Осоргин. Не без участия той же Пешковой моя будущая мать смогла выехать из СССР. Она приехала в Париж и получила поддержку и помощь от однополчанина погибшего мужа - моего отца Александра Евгеньевича Трубецкого. Вскоре они поженились. Я родился уже после Второй мировой. Когда Францию оккупировала Германия, ему предложили вступить в немецкую армию для освобождения России. Отец категорически отказался. Интересно, что немецкий офицер ответ его с уважением одобрил. Наша семья была очень сплочённой - папа не делал разницы между мной и двумя старшими детьми мамы. Детство было бедным, но радостным. Семья жила в квартире без лифта, ванной и горячей воды. Князь-балалаечник А.Т.: - В школьные годы всё свободное от занятий во французской школе время я проводил в русской, где изучал язык, историю и Закон Божий. Православная церковь традиционно играет огромную роль в жизни эмигрантов. Она помогает сохранить корни. Отец часто говорил: «Твоя Родина - Франция, но Отечество - Россия».

«АиФ»: - Вы играете на балалайке. Разве это

типичный для князя музыкальный инструмент? А.Т.: - Конечно, это чисто эмигрантское явление. Среди уехавших из России довольно быстро образовалось большое число хоров и народных ансамблей. Дети стали изучать балалайку. Я, кстати, не знаю нотной грамоты, подбираю мелодии на слух. В молодости балалайка позволила иметь заработок. Профессор Евгений Трубецкой «АиФ»: - Ваша супруга - княжна. Поэтому сделали ей предложение? А.Т.: - Моя жена Екатерина Алексеевна, в девичестве Ниеберидзе. Это не княжеская фамилия. Хотя среди её предков есть род грузинских князей Амилахвари. Женился я по большой любви и, если бы она оказалась француженкой, японкой или даже инопланетянкой, всё равно бы ей сделал предложение. Основная её деятельность - воспитывать наших четверых детей. Один из моих сыновей, кстати, окончив юридический факультет во Франции, захотел продолжить учёбу уже в России, поступил в этом году в МГИМО. «АиФ»: - Не боитесь, что навсегда останется в России? А.Т.: - Очень на это надеюсь. Среди молодёжи, чьи предки вынуждены были уехать из СССР, чрезвычайно сильны стремления к возвращению. В Россию едут учиться, работать, жить.